

ПРАВДИВЫЕ ИСТОРИИ

про Митю Печёнкина

А. Лисаченко

ПРАВДИВЫЕ ИСТОРИИ

про Митю Печёнкина

Рисунки М. Салтыкова

«МАСТЫШ»

МИТЯ И ГАЛИЛЕЙ

Подарили как-то третьекласснику Мите Печёнкину книжку про великих учёных, чтобы они на Митю личным примером положительно влияли. Митя — человек серьёзный, научную книгу начал читать научно. По алфавиту, с Архимеда. Интересно оказалось. А когда Мите интересно, Митя сложа руки не сидит — характер не тот.

У Архимеда главное открытие какое? Правильно: сколько Архимеда в ванну ныряет, столько

воды из ванны и выплёскивается. Так и называется — закон Архимеда. То есть теперь, по правилу, надо говорить «закон Архимеда-Печёнкина», потому что он на Мите проверен. Жаль только, мама с папой открытия не поняли — когда всю воду с пола убрали, запретили Мите строго-настрого про Архимеда читать. Там ведь дальше по книжке Архимед вражеский флот солнечными лучами сжёг — мало ли чего на этот счёт Митя удумает. Пожар — не вода, с пола не уберёшь. Вот и сказал папа Мите:

— Читай-ка ты лучше сразу дальше, про Галилея.

Галилей — он вроде безобидный. Ну доказывал, что Земля вертится — так ведь она всё равно вертеться будет, как бы Митя ни постарался.

Сказано — сделано, стал Митя про Галилея читать. А Галилей

чем славен? Много чем, оказывается: и телескоп придумал, и пятна на Солнце углядел, и вещи всякие с башни сбрасывал — смотрел, как полетят. Про башню Мите особенно понравилось. Прихватил он книжку и к однокласснику своему Женьке Петрову отправился. Не то чтобы у Женьки своя башня была — зато балкон имелся, и этаж четвёртый.

— Вот скажи ты мне, Женечка, — начал Митя издалека — что быстрее на землю упадёт — килограмм железа или килограмм пуха?

Женька, понятное дело, за железом высказался. Тут ему Митя книжку про Галилея показал — а там русским языком написано, что тяжёлые предметы падают вниз так же быстро, как и лёгкие. Подумали, подумали, да и решили: книжка, конечно, авторитетная, однако в науке всё

надо подвергать сомнению. Никому нельзя на слово верить, даже Галилею. Вот если бы сам Галилей всему верил, что в книжках пишут — разве бы он догадался, что Земля вертится? В общем, опыт надо ставить.

Приходят с работы Женькины родители — смотрят, а перед домом толпа собралась, и все на их балкон уставились. Пожарных вроде не видно и дыма нет — и то хорошо. Протолкались родители поближе: под балконом газон верёвочками натянутыми огорожен, на верёвочках бумажки надеты: «Не входить! Опыт!», а на газоне куча подушек валяется, Женькин пуховик, папины гантели, мамины кастрюли и конь чугунный, декоративный.

Бросились родители домой — и вовремя, успели у пары серьёзных учёных мамину пуховую шаль отнять и ключ гаечный.

Женьке сильно попало. А Митю родители даже не наказали. Только он всё равно мрачнее тучи ходил: опыт-то не удался. Как ни старались, а всё одно: железяки быстрее подушек падают.

Женька вроде бы больше всех от опытов пострадал, а Митю утешает:

— Да не расстраивайся! Ну ошибся твой Галилей, ничего страшного, с кем не бывает.

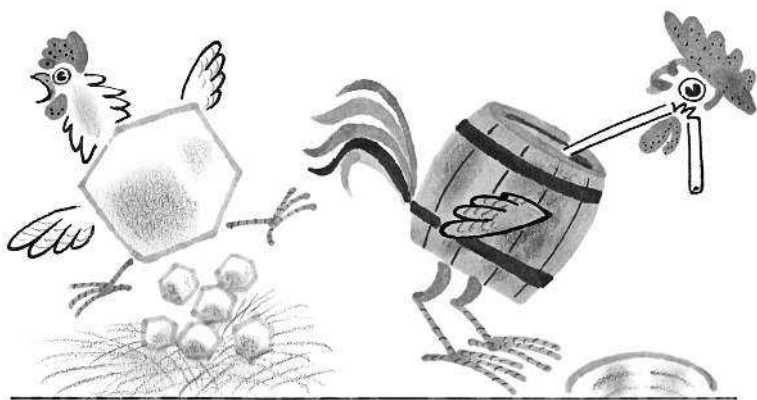
Только Митя не утешается — вдруг он тогда и про Землю ошибся? Может, она и не вертится вовсе, и на трёх китах или там слонах держится? Как проверить?

Целый день Митя за науку переживал. Уже и папа его пожалел: начал было за ужином объяснять, что опыт надо в вакууме делать. Только мама папе договорить не дала — локтем под рёбра стукнула и рот заткнула пирожком с яблоками. Митиной научной мысли

испугалась. Хотела даже книжку от Мити спрятать, да Митя её и так у Женьки забыл.

Только научная мысль — она ведь как Земля: всё равно вертится. Книжку Женька следующим вечером обратно принёс. С закладкой на страничке «Летательные машины Леонардо да Винчи».

КАК Я ПРОВЁЛ ЛЕТО

Однажды ранней осенью, сразу после летних каникул, Женька Петров делал домашнее задание. Сочинение писал.

Парень он хороший, только вот немножко невнимательный. Отвлекаться любит. Как, бывало, отвлечётся, так или домашнее задание забудет записать, или расписание уроков перепутает. А уж сколько описок по невнимательности делает, что в классной работе, что в домашней, — ни в сказке сказать,

ни пером описать. Даже в своей собственной фамилии иногда буквы путает: то Ветров получается, то Педров. Мама с ним билась, билась, да и решила: пусть сын домашнее задание сначала на черновике делает, карандашом, чтобы исправлять легко было, а потом уже ручкой переписывает.

Вот сел Женька за сочинение: тетрадку приготовил, с мыслями собрался — хватать, а где карандаш? Все карандаши за лето куда-то подевались. Только один посреди стола лежит: толстый-толстый, чёрный-пречёрный, а сбоку надпись золотыми буквами: «КРАНДАШ ПРАСТОЙ». Иностран-ный, наверное. Видно, мама купила к новому учебном году, потому как раньше такого карандаша не было. Взял мальчик карандаш и вывел старательно: «Как я провёл лето».

А карандаш тот был на самом деле вовсе не простой, простым он только притворялся. Волшебный был карандаш.

Пока Женька писал: «Лето я провёл в деревне, у бабушки», карандаш ждал. После «мы ходили в лес за грибами» тоже ничего не случилось. Но вот отвлёкся Женька, в окно загляделся. А рука его, тем временем, вывела: «В лесу растут деревья. Злки и берёзки». Это он в слове «ёлки» первую букву не в ту сторону написал, по невнимательности. Тут всё и началось.

Перво-наперво, все ёлки вокруг бабушкиной деревни в Злки превратились — те же ёлки, только злобные-презлобные. Не подходи к ним, зверь, не подлтай, птица, — мигом на иголки наденут.

Женька дальше пишет: «По утрам кровы выходят пастись на зелёный лук»... Всего-то ничего перепу-

тал — а на лугу, где деревенские коровы паслись, вместо свежей травки уже сплошной лук зелёный растёт. По луку кровы ходят — крыши на ножках. Пастух на кров внимания не обращает: с коня упал и встать не может, потому как на сапогах у него вместо шпор теперь шторы пристёгнуты — голу-бенькие в белый цветочек.

А Женька уже поля деревенские описывает: какая там пшеница растёт, какие васильки цветут. Среди пшеницы полевые мишки бегают — медведи такие, с длинными тонкими хвостиками, — пищат и зёрнышки грызут. По полям трактора и комбайны где попало стоят, заглохли: были в них водители опытные, а теперь — опятные.

Написал Женька про поля, за птиц принялся.

Замолчал и свалился с дерева жирный саловей — не выдержала ветка.

По дворам кубицы запрыгали — птицы вроде курицы, только с виду как кубики детские: шесть сторон, по углам крылья с лапками торчат. Яйца кубицы несут — с виду один в один кусочки сахара растворимого, только малость побольше. За главного у кубиц питух — птица-бочонок, вместо клюва соломинка для коктейлей. Где питух лужу увидит, тут же соломинку в неё опустит да и высосет в один присест. И колодец бы выпил, да хорошо, соломинка коротковата.

По небу стаи ворон полетели. Это раньше они с неба на всех каркали, а теперь молча летают, потому как в слове «каркают» буква «р» пропущена. Как появится такая стая, все врассыпную бегут и где попало прячутся — боятся.

В общем, нехорошо стало в деревне — да и на город как бы не перекинулось! Но тут, по счастью,